

РАССЛЕДОВАНИЯ ГЕНРИ МЕРРИВЕЙЛА
в серии
«ЗВЕЗДЫ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»

Убийства в Чумном дворе
Убийства в Белом Монастыре
Загадка Красной Вдовы
Убийства единорога
Убийства в стиле Джуди и Панча
Десять чайных чашек,
или Убийство павлиньими перьями
Окно Иуды
Смерть в пяти коробках
Читатель предупрежден
Ну а теперь – убийство!
Убийство в Атлантике
Видеть – значит верить

**Джон Диксон
Карр**

**НУ А ТЕПЕРЬ —
УБИЙСТВО!**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
AND SO TO MURDER
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Вадима Грушевского
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

Карр Дж. Д.

К 26 Ну а теперь — убийство! : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. В. Грушевского. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-32125-0

Роман «Ну а теперь — убийство!» продолжает серию о расследованиях Генри Мерривейла, который признан одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе. Моника Стэптон, хорошенькая и немного наивная дочь сельского священника, попробовав себя на писательском поприще, неожиданно становится автором скандального бестселлера, и перед ней открывается мир кинозвезд, о чем она не смела и мечтать: ее приглашают на известную британскую киностудию в качестве сценаристки. Но не проходит и часа с появления Моника на киностудии, как совершается покушение на ее жизнь. Это становится первым звеном в череде последующих драматичных и странных событий.

Печатается в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. С. Грушевский, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32125-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неблагодарный поступок дочери священника

1

Помимо собственной воли она пребывала в возбуждении. Перед тем как оказаться здесь, она была полна решимости не позволять своим чувствам прорваться наружу: вести себя с достоинством, легко и непринужденно, не выказывая впечатления, которое на нее произведут съемочные павильоны «Альбион филмз». Однако теперь, очутившись непосредственно в кабинете мистера Томаса Хэкетта, которому предстояло продюсировать «Желание», Моника обнаружила, что сердце у нее готово выскочить из груди, а слова застревают в горле.

Это ее раздосадовало.

Не то чтобы вид этого продюсера вселял в нее тревогу — как раз наоборот. После всего, что Моника слышала и читала, она ожидала, что киностудия предстанет перед ней неким бедламом,

полным толстяков с сигарами в зубах, выкрикивающих в телефонную трубку сумасбродные приказы. Вообще-то, она была далека и от той мысли, что мистер Хэкетт окажется какой-нибудь эксцентричной личностью, по которой плачет сумасшедший дом. И все же человек, сидевший за письменным столом напротив нее, вызывал у Моники некоторое удивление и даже растерянность.

Вся обстановка — прилегающая территория, постройки, конторы — поразила ее царившей здесь тишиной. Студия «Пайнхэм», расположенная в каких-то сорока пяти минутах на поезде от Лондона, раскинулась на необъятной площади, покрытой зелеными насаждениями и скрывающейся за высоким забором из проволочной сетки, обращенным к дороге. Основные строения, продолговатые и низкие, как галереи, из ослепительно-белого бетона с солнцезащитными навесами оранжевого цвета вытянулись на фоне серых силуэтов киносьемочных павильонов внушительных размеров. Один их вид вызывал у Моники восхищение. Однако они казались совершенно пустынными, будто дремали под яркими лучами августовского солнца. Они выглядели даже немного злоеще.

Понятно, что к главному зданию Монику не пропустили. Когда водитель машины, которую она взяла на станции, подрулил к воротам студии, сторож выразился на этот счет предельно ясно.

— Мистер Хэкетт! — громко, но слегка заикаясь, оповестила Моника с заднего сиденья.

— Кто это?

— Мистер Хэкетт!

— Мистер *Том* Хэкетт? — ехидно уточнил привратник, хотя, вообще-то, на студии «Пайнхэм» других Хэкеттов не было.

— Верно. Меня зовут Моника Стэнтон. У меня с ним назначена встреча.

Привратник сжалился над ней.

— Старое здание, — проинструктировал он шофера, который, судя по всему, прекрасно его понял.

Стояла невыносимая жара. Зеленые газоны, покрытая гравием подъездная дорога, припаркованные на ней машины — все переливалось и бликовало в лучах солнца. Они проехали по гравийной дороге мимо основных построек и спустились по холму под сводами густых крон деревьев, в конце концов оказавшись возле на удивление небольшого строения из красного кирпича, которое напоминало изящный особняк с куполом. Фасад здания был увит плющом, а в миниатюрной долине под его окнами журчала, поблескивая на солнце, мелкая речушка, в которой плавали утки. Просто идиллия, едва ли не пастораль, от которой клонило в сон. И вот на верхний этаж этого особняка, в залитый солнцем кабинет, окна которого выходили на ручеек, и провели Моника для встречи с мистером Томасом Хэкеттом.

Мистер Хэкетт был спокоен, краток и исполнен уверенности — как главный герой «Желания».

— Рады вас приветствовать, мисс Стэнтон, — сказал он. — Очень рады. Присаживайтесь.

Он кивком указал ей на стул. Коротким виртуозным движением Хэкетт извлек пачку сигар из своего стола и подтолкнул ее к Монике. Потом, уловив неуместность подобного жеста, он вернул пачку в стол и захлопнул выдвижной ящик, не меняя деловитого выражения лица.

— Но сигаретку-то выкурите? Отлично! Сам я к табаку не притрагиваюсь, — объяснил он тоном благонравного аскета. — Мисс Оулси! Сигареты, пожалуйста.

Плюхнувшись на стул, он с интересом оглядел свою визави. Мистер Хэкетт — личность неординарная — работал на таинственного персонажа по фамилии Маршлейк, босса «Альбион филмз», который отстегивал деньги, но которого никто и никогда не видел, исключая те случаи, когда он проскальзывал мимо вас, скрываясь за очередным углом. Мистер Хэкетт являлся воплощением практичности: тридцати пяти лет, он обладал зорким взглядом, был приземист, плотно сложен и смугл. Его широкое лицо украшали усы щеточкой и сияющая белозубая улыбка, которая, однако, не могла утаить его требовательность и нетерпимость к разгильдяйству.

— Безусловно, — заговорила Моника, стараясь, чтобы ее слова звучали искренне, — я ужасно рада оказаться здесь, получить такую возможность...

Снисходительная улыбка мистера Хэкетта засвидетельствовала справедливость этого высказывания.

— ...И все же я никого не хочу вводить в заблуждение. Мой агент, полагаю, сообщил вам, что опыта написания киносценариев у меня нет?

На лице мистера Хэкетта отразилось удивление.

— *Нет* опыта? — прищурившись, спросил он.

— Никакого.

— Вы уверены в этом? — продолжал мистер Хэкетт с долей лукавства, словно намекая, что уж его-то на мякине не проведешь.

— Конечно уверена.

— Ох, вот это мне было невдомек, — проговорил он себе под нос ровным, но таким мрачным тоном, что у Моники сердце в пятки ушло.

Мистер Хэкетт задумался. Потом он вскочил со стула и стал мерить кабинет короткими, отрывистыми шагами. Казалось, он погружен в размышления.

— Это плохо. Очень плохо. Не совсем хорошо — просто мысли вслух, знаете ли, — пояснил он, бросив на Монику резкий взгляд, а потом снова ушел в себя. — С другой стороны, от вас не требуется постановочный сценарий. Ховард Фиск, который будет снимать «Желание», никогда не пользуется постановочными сценариями. Уж поверьте мне. Никогда!

Моника чуть было не выпалила, что Ховард Фиск делает все правильно. Но поскольку она понятия не имела, что такое постановочный сценарий, то скромно промолчала.

— А диалоги писать вы умеете? — спросил мистер Хэкетт, резко остановившись.

— О да! Однажды я даже пьесу написала.

— Это не то, — отрезал мистер Хэкетт.

— Не то?

— Совсем не то, — подтвердил мистер Хэкетт, многозначительно качая головой. — Но главное — прислушайтесь к моим словам — то, что вы умеете писать диалоги. Качественные, яркие, живые диалоги?

— Я не знаю. Я постараюсь.

— Тогда мы вас берем, — тоном благодетеля заявил мистер Хэкетт. — Диалоги не слишком длинные, имейте в виду, — предупредил он. — Скорее образные. Краткость — сестра таланта. И вообще, — всплеснул он руками в подтверждение своих слов, — диалогов почти не должно быть. Но вы научитесь. (Мысли вслух опять же.) Мисс Стэнтон, я принимаю решения и на попятную не иду. Мы вас берем.

Поскольку Монике уже и раньше «брали» — после ожесточенных сражений ее литературного агента, — это решение могло показаться поспешным. Но таковым оно не являлось. В мире кино все в руках Аллаха.

Со своей стороны, Моника пребывала в такой эйфории, что чуть ли не заикалась. Это счастье было сродни исступленности, которая заставляла кровь в венах бежать быстрее, а сама она чувствовала себя так, будто была слегка подшофе. Ей так и хотелось подняться со стула и, глядя в зеркало, сказать: «Я, Моника Стэнтон, из прихода Святого Иуды, Ист-Ройстед, графство Хартфордшир, сию, как это ни странно, в „Альбион филмз“ у продюсера „Темного солнца“ и „Развода моей леди“. Я, Моника Стэнтон, которая так часто сидела в кинозале, глядя на то, как финальные титры возводят в сонм звезд имена других людей, теперь увижу в этих самых титрах и мое собственное имя, и то, как на экране оживут мои собственные герои. Я, Моника Стэнтон, стану частью этого огромного сверкающего мира...»

И вот он, этот мир.

2

А вот мистер Хэкетт, по причинам, о которых будет рассказано ниже, был человеком, переживающим самое сильное волнение на всей студии «Пайнхэм». Но, несмотря на это, он пребывал в изумлении от встречи с самой Моникой Стэнтон во плоти: ведь он даже сподобился прочесть «Желание» и в душе удивлялся, как бóльшая часть сего труда прошла цензуру.

Не то чтобы он ожидал, что Моника окажется сластолюбивой и пресыщенной Евой Д'Обрэй, героиней «Желания». Как раз наоборот. По опыту мистер Хэккетт знал, что леди, которые пишут наполненные страстью истории о любви, — это обычно либо деловые женщины с жестким характером, либо ехидные старые девы, внушающие трепет всем мужчинам в округе. Он ожидал увидеть перед собой какую-нибудь горгону, но совсем не ожидал, что перед ним окажется полная устремлений, эрудированная, хотя и скромная на вид, девушка с умным, пускай и невинным взглядом. Не будучи писаной красавицей, Моника являлась все же одной из тех милых, дородных, свеженьких девиц, от которых так и веет целомудрием.

В глубине души мистер Хэккетт был даже несколько шокирован. Ему казалось, что такая, как Моника, и знать не знает о подобных вещах. И как это ее мать позволила ей написать подобный опус?

Вообще-то, матери у Моника уже не было. Но у нее была тетка. И тетка задавалась тем же вопросом.

Ныне уже всем известна история бестселлера Моника Стэнтон, двадцати двух лет, единственной дочери преподобного каноника Стэнтона, сельского священника. Всем известно и то, что Монике редко когда дозволялось покидать границы Ист-Ройстеда, графство Хартфордшир. Но что известно не всем, так это то, какой переполох произведение Моника вызвало в ее собственном доме.

Первый получивший рукопись издатель отозвался о ней в следующем ключе:

— Шампанское ведрами. Бриллианты горстями. Никто ни на чем не ездит, если это не «роллсройс». А любовные похождения — Моисей в страданиях! Этот капитан Ройс — главный герой — сущий дьявол. Я, однако, полагаю, что автору не следовало бы отправлять его на охоту на тигров в Африку. Но...

— Что «но»? — поинтересовался его компаньон.

— Во-первых, эта девица недурно пишет. И скоро она это поймет. Во-вторых, зачем нам, чтобы она это понимала? Эта книга — бомба. Сон наяву для любого. Библиотеки за нее глотку перегрызут, не будь я тем, кто открывает таланты!

И он оказался прав.

Моника писала книгу со страстью, перенося на бумагу все, что когда-либо будоражило ее фантазию. Не то чтобы она не любила Ист-Ройстед или миллион маленьких обязанностей дочери духовного лица. Однако временами ей становилось от них настолько тоскливо, что слезы буквально капались у нее из глаз. Иногда, размышляя о своем существовании, она беспомощно потрясала кулачками в воздухе и ревела:

— Брр!

Не делало жизнь Моника слаще и присутствие ее тетки, Флосси Стэнтон, одной из тех

жизнерадостных «чувствительных» дам, что наводят на крамольные мысли похлеще любого тирана. Поэтому в свете настольной лампы Моника давала волю своему воображению. В своей героине Еве Д'Обрэй она воплотила *grande amoureuse*¹, чье мастерство по достоинству оценила бы даже такая троица, как Клеопатра, Елена Прекрасная и Лукреция Борджиа.

Моника — что важно упомянуть — старалась все сохранить в тайне: книга в конечном счете вышла под псевдонимом. В доме никто бы даже не догадался, что она корпит над литературным трудом, если бы тетка, имевшая привычку рыться в вещах Моника примерно раз в две недели, не обнаружила в выдвижном ящике ее туалетного столика объемистую рукопись.

Но и тогда семья не потеряла покоя, поскольку никто не взял на себя труда разобраться, что же она там такое сочиняет. Моника, испытывая одновременно жгучий стыд и неподдельную гордость, объявила, что она пишет книгу. Заявление это эффекта не произвело. С не поддающейся расшифровке улыбкой тетка промолвила:

— Вот оно что, дорогуша? — И тут же поменяла тему разговора, несколько вымученным тоном поинтересовавшись, выкроила ли Моника в своем плотном писательском графике немного времени, чтобы заказать ежедневную порцию овощей у зеленщика.

¹ Великая любовница (*фр.*).

Первым ударом грома явилось письмо о принятии романа к публикации и самый настоящий платежный чек от издательства. В комнате для завтраков в приходе Святого Иуды повисла groboвая тишина. Рука славного vicapapия Стэнтонa, державшая кофейник, застыла в воздухе и так бы и не опустилась, если бы прислуга, не в силах более наблюдать сию сцену, не забрала кофейник у хозяина дома. Мисс Флосси Стэнтон испытала самые разнообразные эмоции, но платежный чек убедил ее.

Вслед за этим мисс Стэнтон водрузила на голову шляпку и пошла хвастаться по соседям.

В этом-то и заключался грех мисс Флосси: без всякой задней мысли она болтала языком напропалую, буквально загружая людей информацией. Ей даже не пришло в голову полюбопытствовать, о чем, собственно, книга. То, что она окрестила «Моникиной книжицей» и «такой занимательной вещицей», изначально носило название «Ева Д'Обрэй», которое у мисс Стэнтон непонятно почему ассоциировалось с миссис Гаскелл¹ и казалось ей довольно милым. Даже когда полгода спустя книга вышла из печати, она так и не удосужилась ее прочесть.

А вот общество Ист-Ройстеда, собиравшееся за чаем, книгу прочло. Оно пребывало в ожидании. И как-то в июле, в черную пятницу, приглашенная на чай супругой полковника Грэнби мисс Стэнтон

¹ *Элизабет Гаскелл* (1810–1865) — английская писательница.

высказалась на тему того, что, по слухам, сюжет книги просто замечателен и ее, мол, гложет любопытство, о чем же именно там идет речь. И вот тогда-то «чайное» общество — дрожа от потаенной радости — в едином порыве ее любопытство удовлетворило.

И тут началось настоящее светопреставление.

Вернувшись в приход, мисс Стэнтон ворвалась в кабинет своего брата, подобно торнадо, на последнем издыхании и обрушилась на диван. Каноник Стэнтон безропотно отложил ручку.

— Джеймс, — заговорила мисс Стэнтон голосом агента политической полиции, допрашивающего гангстера в свете мощных ламп, — ты читал эту книгу?

Родственники творца обладают до боли прозаическим умом.

3

Таким образом Моника Стэнтон обрела репутацию распутной женщины.

Это не означает, что ее репутация стала сродни репутации Евы Д'Обрэй в ее произведении. В конце концов, обитатели Ист-Ройстеда знали ее всю жизнь и прекрасно понимали, что поле ее деятельности — начать хотя бы с него — ограниченнее, чем у Евы Д'Обрэй. Уличить Моника в том, что она продала свою честь за бриллиантовое ожерелье стоимостью двадцать тысяч фунтов, нельзя

было просто потому, что в Ист-Ройстед ни у кого не было бриллиантового ожерелья стоимостью двадцать тысяч фунтов. Нельзя было уличить ее и в том, что она совершала средиземноморские круизы с итальянским графом, поскольку всем было известно, что Стэнтоны проводили отпуск в Борнмуте¹.

Ист-Ройстед считал, что должен оставаться справедливым в суждениях.

Но на этом все и заканчивалось: даже те, кто допускал, что большей частью произведение Моника — это плод воображения, все же демонстрировали трогательную веру в искренность литераторов и приводили аргументы насчет того, что никто бы не смог написать целую книгу, не имея хотя бы *элементарного* понятия о ее основной теме.

Более того, Моника была известна как «тихоня», что делало все еще более запутанным.

В первые несколько недель в доме викария царил хаос. Отчаянный плач мисс Стэнтон состоял из трех песен: а) как им пережить позор; б) как ее племянница могла написать нечто подобное и в) как ее племянница прознала о таких вещах, чтобы о них написать.

Последняя песнь представлялась наиболее важной. Мисс Стэнтон размышляла об этом до посещения.

¹ *Борнмут* — курорт на южном побережье Англии.

Не то чтобы она выясняла с Моникой отношения: она требовала подробностей, но потом, заливаясь краской, поднимала руку и отказывалась их слушать. Когда Моника в полнейшем отчаянии умоляла тетку объяснить, что именно та имеет в виду, мисс Стэнтон отвечала, четко и угрожающе скандируя слова: «Ты знаешь», — и вылетала из комнаты, чтобы выяснять отношения с братом, а не с племянницей.

Мисс Стэнтон желала знать, кто тот мужчина. Она собирала слухи о живших в округе молодых людях. В итоге она чуть не свела с ума каноника — и именно в последнем Моника, сама того не ожидая, нашла союзника.

Мисс Стэнтон в смятении смотрела на брата.

— Джеймс, я не могу тебя понять. Христа ради, неужели ты действительно смиришься с этими непотребствами?

— С какими непотребствами? — сказал каноник.

— Ну, с этой ужасной книгой, естественно.

— Книгу, дорогая, вряд ли можно определить как непотребства.

— Джеймс, ты способен вывести из себя кого угодно! Тебе прекрасно известно, о чем я. Эта отвратительная книга...

— Она слегка наивна, должен признать. И не совсем благоразумна. Однако, честно говоря, она довольно увлекательна...

— Джеймс, ты меня возмущаешь!

— Дорогая Флосси, — сказал каноник несколько жестко, — не заставляй меня опускаться до грубости и просить тебя оставить меня в покое! По моему, ты путаешь художественную литературу с автобиографией. Недавно мы с тобой познакомились с мистером Уильямом Картрайтом, который пишет детективы. Насколько я помню, он произвел на тебя вполне положительное впечатление. Ты ведь не станешь на полном серьезе утверждать, что мистер Картрайт в качестве хобби режет людям глотки?

Мисс Стэнтон ухватилась за соломинку — было похоже, что каноник коснулся темы, которая и являлась источником ее печалей.

— Если бы... — взвыла она, — если бы Моника написала достойный детективный роман!

Последнее замечание заслуживает включения в список исторических реплик, ведущих к семейным передрягам.

Любой, у кого есть мало-мальский опыт семейной жизни, засвидетельствует, что, когда хозяйка дома обретет ремарку или реплику, которая покажется ей удачной, она никогда от нее не отлипнет. Она примерзнет к ней намертво. Членам семьи придется выслушивать ее с десятков раз в день. Постепенно эта фраза проникнет в их нутро: она станет их хронической болезнью, и они будут собирать волю в кулак каждый раз при виде того, как хозяйка дома открывает рот.

Начнем с того, что Моника Стэнтон не имела никаких предубеждений в отношении такого развлекательного жанра, как детективный роман. Ей было от него ни жарко ни холодно. Сама она прочла парочку подобных произведений, и они показались ей несколько притянутыми за уши и глуповатыми, хоть и, безусловно, приемлемыми для поклонников данной литературы.

Однако к тому моменту, когда ее тетка наконец выбилась из сил, Моника пребывала в таком взвинченном состоянии, что прокляла тот день, когда родился сэр Артур Конан Дойль. Она испытывала неопишемую, нерациональную ярость. Что касается мистера Уильяма Картрайта — чье имя мисс Флосси Стэнтон с изуверской непосредственностью умудрялась вклинивать в беседу на любую тему — от пудинга из тапиоки до Адольфа Гитлера, — у Моники появилось желание отравить мистера Картрайта кураре и станцевать на его могиле.

Пребывая в смятении от всей этой суматохи вокруг «Желания», Моника все же сохраняла внешнюю непреклонность, хотя в душе она трепетала от страха. Сомнения одолевали ее задолго до того, как разразилась буря. Первое угрызение совести она испытала, когда изначальная волна литературного вдохновения схлынула и Моника осознала, что она написала. Второе угрызение совести пришлось на тот момент, когда она озна-

ДЖОН ДИКСОН КАРР
НУ А ТЕПЕРЬ — УБИЙСТВО!

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Федорова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 20.04.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үйі Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д.36Б.

A-MCD-41416-01-R